

The background of the cover is a dark, textured painting of a cave interior. A large, seated Buddha statue with a golden face and closed eyes is positioned in the lower-left foreground. In the background, a bright, ethereal light emanates from a cave opening, revealing a blue, tiered stupa or pagoda. Below the stupa, a small, white, multi-tiered structure resembling a waterfall or a small shrine is visible. The overall mood is mysterious and spiritual.

АНДРЕЙ ГОРИН

ИСЧЕЗНУВШИЙ
В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ
ШАМБАЛЫ

Андрей Александрович Горин

Исчезнувший в подземельях Шамбалы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69733891

SelfPub; 2023

Аннотация

Криминальный журналист французской газеты «Le Parisien libere» Андрэ Горнье едет в маленький городок, чтобы расследовать причины внезапной смерти историка Николя Легранжа. Сестра покойного уверена, что это было убийство. Обнаруженный в тайнике дневник погибшего ученого, привел журналиста к разгадке тайны стремительных военных успехов Третьего рейха в ходе Второй мировой войны.

Содержание

Пролог	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
Неожиданный звонок	13
Месье Легранж	24
Знак на газете	32
Старые письма	43
Архив	53
Исчезнувший	61
Они вернулись	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Андрей Горин Исчезнувший в подземельях Шамбалы

«У всех внутри своя «Шамбала», но далеко не каждый об этом знает, и крайне редко кто-то может хоть раз на нее взглянуть».

Автор

Пролог

7 часов 44 минуты, 3 февраля 1944 года, набережная портового города Сен-Назера, на западе Франции.

Вот уже полчаса капитан-лейтенант Альбрехт Обермайер возле капитанской рубки своего быстроходного торпедного катера всматривался в направление контрольно-пропускного пункта военно-морской базы Кригсмарине. Пассажиры со своим секретным грузом что-то задерживались. Пытаясь согреться, он постоянно жался в черный форменный непромокаемый плащ, глотая обжигающий кофе из термоса. Но это не помогало согреться.

Погода стояла отвратительная. Из мрачно-свинцовых облаков, заполонивших все утреннее небо, моросил дождь со снегом, что редко бывало в этих местах. И, судя по свод-

кам метеорологов, ненастье продержится еще дня три. Как ни странно, но капитан-лейтенант был этому рад. Конечно, ветер и сильные волны создадут дополнительные трудности в их необычном походе, болтанка будет знатная, но лучше немного помучиться от качки, чем быть внезапно атакованными английскими истребителями.

Вот уже почти пять лет Альбрехт Обермайер воюет на своем «Гончем псе», шнелльботе S-34, и в свои двадцать семь лет он немало повидал в этой беспощадной мясорубке, но Бог миловал, за все это время отделался всего несколькими царапинами, хотя с одним проникающим ранением в руку провалялся около месяца в госпитале.

Это произошло почти в самом начале войны. Ночью 11 мая 1940 года, на своем S-34 он обнаружил у Норт-Фореленда транспортное английское судно «Абукир», уже отразившее несколько налетов люфтваффе с помощью единственного крупнокалиберного пулемета, и сходу атаковал его двухторпедным залпом. Капитан судна, отбивший уже несколько воздушных атак, заметил след торпед и перешел на курс зигзага, полагая, что их атакует подводная лодка. Потом, приняв катер за рубку атакующей субмарины, пошел на таран. Мощные двигатели помогли Обермайеру успешно увернуться от атаки. Капитан на ходу перезарядил торпедные аппараты и снова нанес удар, от которого английский корабль уже не смог уклониться. «Абукир» затонул в течение десяти минут.

Мостик судна был обложен бетонными плитами от атак люфтваффе, но его «Гончий пес» ударил оттуда, откуда не ждали. В британской прессе это событие было широко отражено как «зверства гуннов». Там, в частности, было указано, что немецкий торпедный катер, освещая место катастрофы прожектором, обстреливал выживших из пулемета.

Но это полностью противоречило записям в журнале S-34, который после выстрела торпед отступил на полной скорости и даже был засыпан обломками взорвавшегося судна. Свидетельские показания матросов торпедного катера подтвердили, что британцы лгут. Конечно, война – это не то место, где носят белые перчатки со смокингом, но существовало негласное правило у экипажей катеров и субмарин – не добивать спасающихся в воде моряков. Как поступали в таких случаях танкисты, Альбрехт не знал, но от его школьного друга, зануды Гюнтера, летчика Люфтваффе, летавшего на торпедоносце «Хейнкеле 111», он не слышал, чтобы кто-то расстреливал спускающихся на парашюте сбитых вражеских летчиков.

Так что вполне заслуженно за этот бой лейтенанта Альбрехта Обермайера наградили Железным крестом первого класса с присвоением внеочередного воинского звания.

Он прекрасно помнил тот момент, когда сам командующий группой «Вест» адмирал Альфред Заальвехтер награждал его, новоиспеченного обер-лейтенанта военно-морских сил, столь высокой и долгожданной наградой.

После захвата северного побережья Франции перед немецким флотом открылась невиданная перспектива – фланг важнейшей прибрежной коммуникации противника стал полностью открытым не только для полномасштабного минирования и налетов люфтваффе, но и для атак шнелль-ботов.

Появились новые катера – крупные, хорошо вооруженные, мореходные. Опыт атак обобщался и анализировался, и это означало, что для британских сил в Ла-Манше наступили тяжелые времена. Набравшись опыта, экипажи шнелль-ботов, в том числе и его S-34, уже наносили поражения не только единичным судам и кораблям, но и целым конвоям. Ла-Манш перестал быть «домашними водами» британского флота, которому предстояло защищаться от нового противника, создавая не только принципиально новую систему охранения и конвоирования, но и корабли, способные противостоять смертоносному творению фирмы «Люрсен».

В 1942 году обер-лейтенант Обермайер в неравном бою вывел из строя английский крейсер, одна из торпед его «Гончего пса» повредила рулевое управление, обездвижив бронированную машину, а налетевшие «певуны», Юнкеры 87, успешно потопили его. За этот бой он получил Немецкий крест в золоте и погоны капитана-лейтенанта.

И вот прошли эти годы боевых побед, а что сейчас? Английская и американская авиация полностью перехватила всю инициативу в небе. Место «Мессершмиттов Bf. 109» за-

няли «Спитфайры» и «Мустанги». И сейчас только полный болван не понимает фатального поражения Германии.

И в этот момент, когда его боевую единицу ждут на передовой, он вынужден встречать какого-то эсэсовца с его секретным грузом. Неужели командование не могло на эти цели отправить другой экипаж? Последнее пополнение вполне справилось бы с этим заданием, тем более в тылу. И самое удивительное, что накануне его лично инструктировал заместитель начальника штаба дивизиона фрегаттен-капитан Мольке.

Нет, в этом ничего необычного не было, Мольке всегда давал подробное наставление перед каждой серьезной операцией, тут дело в другом – что поведал в этот раз фрегаттен-капитан. И это поразило Альбрехта, он даже онемел на какое-то время от удивления. Его непосредственный начальник сказал только несколько общих фраз. Абсолютно никакой конкретики.

– Завтра в 7 часов 15 минут примешь на свой борт груз с сопровождающими. Поступаешь в подчинение гауптштурмфюреру СС Отто Вейзелю. Дальнейшие инструкции получишь лично от него уже на катере.

– Что за груз и куда следуем? – озадаченно спросил капитан-лейтенант Обермайер, не ожидавший такого поворота событий.

– Не знаю. Тебе все скажут.

– Но я же должен знать направление и расстояние, вес и

габариты груза, запас топлива, в конце концов... Что за секретность?

– Ничем не могу тебе помочь. Сам ничего не знаю. Приказали найти самого опытного. Да, еще, все торпеды выгрузи... Хотя одну оставь для самообороны. И повесь дополнительные топливные баки на всякий случай. Чтобы не получилось, как в прошлый раз, едва добрался на продырявленных.

В общем, не мне тебя учить.

– А если в Америку? Что тогда? – съехидничал Обермайер.

– Не передергивай. Ты не хуже меня знаешь, что в Америку отправили бы подводную лодку. Твой «Гончий пес» туда однозначно не доберется. Мне самому многое не нравится, но это приказ, причем оттуда, – Мольке направил палец на висящий на стене портрет гросс-адмирала Карла Деница. – А может, и выше.

И сейчас, в промозглое утро, командир торпедного катера ждал этот груз с сопровождающими эсэсовцами. «Хорошо, что опаздывают, может, передумали там, в Берлине, и отменили операцию», – мелькнула слабая надежда у Обермайера.

Но нет, через некоторое время послышался рев мотора автомобиля, и из-за склада ГСМ показался армейский тентованный грузовик «Henschel 33».

Остановившись возле трапа шнелльбота, из кабины бойко выпрыгнули два пассажира лет тридцати, может, немного

больше. Один в фуражке с серебряным черепом на околыше и в сером длинном плаще с капитанскими погонами, а другой в темной фетровой шляпе обитой широкой лентой и черном пальто с высоко поднятым воротником.

— Гауптштурмфюрер СД Вейзель, — поднявшись на борт катера и отдав честь, представился эсэсовец капитану шинелльбота. — Вам доложили о нашем прибытии?

— Капитан-лейтенант Обермайер, — нехотя отковырял Альбрехт. — Да. По приказу начальства, поступаю в Ваше распоряжение, господин капитан.

Нельзя сказать, что Обермайер недолюбливал этих эсэсовцев, много разговоров ходило о героизме их танковых дивизий, отчаянно сражавшихся против превосходящего противника на восточном фронте, но штабных черных крыс терпеть не мог.

Хотя этот хлыщ вовсе не из гестапо, а из Службы Безопасности — политическая разведка. Их шефа, бригадефюрера Вальтера Шеленберга, он видел один раз, и то мельком, в Берлине, в Главном управлении военноморского флота. Он сразу обратил на него внимание — молодой человек, а уже такая должность и генеральское звание, и к тому же, награжден Железными крестами первого и второго класса, причем одновременно. Поговаривают, что чуть ли не лично фюрер его награждал. Обермайер всегда уважал боевые награды, просто так их не раздавали на фронте направо и налево. А вот у этого Вейзеля вряд ли есть хоть одна, кроме его долбаного

серебряного перстня с черепом.

– Ну, вот и отлично! Сейчас загрузим ящики и в путь, – деловито ответил гауптштурмфюрер.

– Сколько у вас их?

– Три.

– Вот сюда, прямо на палубу ставьте...

– Как на палубу? – недоуменно воскликнул эсэсовец. – Там ценный груз. Он боится влаги, тем более морской воды. Это неприемлемо...

– Ничего, – пренебрежительно ответил капитан катера. – Накроем брезентом от брызг и закрепим ремнями. Все будет в целости и сохранности. Мы вообще-то торпеды на этой посудине возим.

Судя по физиономии Вейзеля, его не очень удовлетворил ответ капитан-лейтенанта, но, видя, что другого места для них действительно больше нет, он крикнул своему приятелю в черном пальто, все это время наблюдающему за ними возле грузовика: «Винсент! Будьте так любезны, распорядитесь о погрузке груза на катер и поднимайтесь скорее к нам. Мы вас с капитаном уже заждались».

Трое солдат с автоматами, выпрыгнув из кузова и грохоча подкованными сапогами по металлическому трапу, быстро перетащили три массивных деревянных ящика с изображением черного орла, держащего корону из дубовых веток со свастикой в центре.

– Что в них? – поинтересовался Обермайер, наблюдая за

солдатами, тщательно накрывающими брезентом ящики.

– Ну, что, минут через десять можно отправляться, – проигнорировав вопрос, сказал гауптштурмфюрер. – И еще, любезный, позаботьтесь, пожалуйста, о солдатах. Думаю, для троих найдется у вас местечко. А нас проводите в вашу каюту, там мы обсудим маршрут. Да, и чашечка крепкого кофе не помешала бы нам в такую противную погоду...

– И куда мы направляемся? – капитан-лейтенант уже с нескрываемым раздражением перебил эсэсовского выскочку.

– В Норвегию. Это все, что вам пока нужно знать. Я буду давать вам дополнительные указания по мере приближения к нашей основной цели. И не сердитесь на меня, дружище, мы делаем общее дело. Одни хуже, другие чуть лучше. Не так ли?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Неожиданный звонок

10 часов 47 минут, 3 апреля 1987 года, Париж

Никогда не думал, что профессия криминального репортера бывает такой скучной. Вот и сегодня – уже скоро одиннадцать часов дня, а я до сих пор сижу без дела.

Нет, конечно, в таком огромном мегаполисе, как Париж, ни одной минуты не проходит без какого-нибудь происшествия, но всякая «бытовуха», а также мелкие и крупные ДТП – не мой профиль. У нас, как и в любом крупном издании, существует строгое разделение труда. Кто-то освещает скандалы мировой богемы и звезд шоу бизнеса, кто-то постоянно напрягает местных политиков на предмет коррупции в градостроительстве, охраны окружающей среды или проблем с нищетой и безработицей. Это наша элита, они и на работу частенько ходят чуть ли не в смокингах – ведь им все время приходится быть «в кадре».

Другие занимаются дорожными происшествиями, угонами автомобилей, бытовыми преступлениями и всякой мелочевкой.

Эти ребята попроще, у них осведомители и стукачи частенько с самого дна «пищевой» цепочки, им нельзя выпенд-

риваться в шмотках от «Версаче» и со стойким шлейфом парфюма за триста евро, иначе спугнешь удачу в виде квартальной премии. Такой репортер должен быть свой в доску, так сказать, рубаха-парень и непререкаемый авторитет для этой публики, иначе будут как лоха разводить второсортной информацией или того еще хуже – впаривать туфту за звонкую монету. А мы не какая-нибудь «желтая» газетенка с тиражом десять тысяч экземпляров.

В нашем деле существует жесточайшая конкуренция за французского обывателя. Достоверность, причем стопроцентная – вот наш девиз. Нет, мы тоже собираем слухи и сплетни, но должны проверять полученную информацию, чтобы «не сесть в лужу». Вся доказательная база должна быть в полном порядке перед публикацией, иначе засудят газету, по миру пустят адвокаты оклеветанных личностей.

Когда я пришел в газету сразу после окончания университета, долго вникал в этот самый сложный механизм профессиональных взаимоотношений. Журналист – это как разведчик, он никогда не сдаст свой источник информации и, по возможности, окажет помощь запутавшемуся бедолаге, естественно, в пределах разумного. Конечно, никто не собирается покрывать преступника, я сейчас о другом. Настоящий журналист должен быть порядочным человеком, а еще обладать обязательным набором приемлемых компромиссов на все случаи жизни, не вступающих в противоречие с местным законодательством. Прямолинейному истукану и буке не ви-

дать удачи на этом поприще – тут гибкость нужна.

А сейчас немного о себе. Я, Андрэ Горнье, как и сказал ранее, сразу после окончания факультета журналистики в Сорбонне, устроился на работу в наше уважаемое печатное издательство «Le Parisien libere».

Начинал обычным репортером и «дорос» до сложных журналистских расследований. А это – высший пилотаж в журналистском цехе.

Никогда не думал, что это так сложно и увлекательно, все равно, что собирать разноцветную мозаику, разбросанную россыпью по всему миру. Разглядывать каждое найденное стеклышко словно под микроскопом и сортировать их по временным событиям, с дальнейшим осмыслением полученных сплетен и фактов. И из всего этого противоречивого мусора и хаоса выстроить единственно правильную логичную цепь журналистского расследования. Этот процесс может занимать от нескольких дней до нескольких месяцев, и здесь обязательным условием, помимо всех остальных, является аналитический склад ума. Наш шеф, месье Бернар, разглядел мое умение отыскать сенсацию, дал мне возможность проявить себя. И у меня получилось! Пускай не сразу, с шишками на лбу, но получилось. Несколько резонансных журналистских расследований, и я занял в нашей газете почетную должность – свободный художник. В дальнейшем уже сам определял направления своих расследований. Не зря в отделе за мной закрепилось прозвище – Ищейка Длинный

нос. Как говорится – любимая работа, удел всего лишь двадцати пяти процентов работоспособного населения нашего «крутящегося шарика».

Особенно наделало много шума в обществе мое разоблачение одного коллаборациониста времен второй мировой войны. Есть в центральной Франции небольшой курортный городок – Виши. Крошечный такой городишко – площадь всего 6 квадратных километров с населением 25 тысяч человек. Местные термальные источники славятся со времен Диоклетиана. Однако во всем мире этот старинный город ассоциируется с самой черной страницей истории Франции.

В 1940 году, когда север страны оккупировали немцы, здесь расположилось правительство свободной южной Франции. Его так и стали называть «режим Виши». Так вот, этот предатель после войны спокойно проживал в стране по документам другого человека, предварительно изменив внешность, надеясь, что его никто не узнает.

Но его подвело банальное тщеславие. Он как-то дал интервью небольшой местной газетенке и рассказал, что был якобы в нацистском концлагере и там потерял все свое здоровье. И я решил поподробнее выяснить об этом «герое» прошедшей войны. Не буду вдаваться в подробности расследования, но оказалось, что он был членом правительства «Виши» и занимался выявлением противников нацистского режима.

Но это все в прошлом, сейчас полный застой в творческих

планах и ни одной интересной темы – нет ничего хуже безделья. Помню, как-то на лекции в университете профессор рассказывал про индивидуальные качества человека и привел очень занимательный пример.

Это было в шестидесятые годы. Руководство одной крупной японской автомобилестроительной компании пригласило известную фирму с целью проведения аудита с целью дальнейшей оптимизации производства. Одна из поставленных перед этой фирмой задач было определить обоснованность штатного расписания.

В принципе все были при деле, но проверяющих поразил один сотрудник, который то слонялся без дела между технологическими линиями, отвлекая расспросами операторов, то сидел в своем кабинете, подняв глаза в потолок, рисуя карандашом какие-то квадратики и линии, то отсутствовал непонятно где... К тому же, ответить на вопросы проверяющих экспертов он категорически отказался, сославшись на занятость. Вывод один – надо увольнять этого сотрудника.

Каково же было изумление аудиторов, когда они узнали от директора автогиганта, что этот бездельник получает зарплату ненамного меньше, чем он сам. Оказывается, этот так называемый «лодырь» своими ноу-хау принес компании экономию в виде десятков миллионов долларов. И его видимое безделье – это всего лишь творческий процесс...

Надо, наверное, пойти прогуляться, день солнечный, в начале апреля на удивление стояла теплая погода. Не успел я

подойти к входной двери, как неожиданно зазвонил телефон.

– Але, я вас слушаю, – шаблонно ответил я, взяв трубку.

– Позовите, пожалуйста, к телефону Андрэ Горнье, – произнес женский голос.

– Я вас слушаю...

– Как хорошо, что я до вас дозвонилась Андрэ, – взволнованно зачастила женщина. – Меня зовут Флоренц, Флоренц Шатобриан-Рене. Я звоню вам из Монпелье. Пожалуйста, выслушайте меня...

– Да. Да. Говорите, я вас внимательно слушаю. Вы чем-то взволнованы, мадам?

– Да. Произошло трагическое событие, – всхлипывая, произнесла мадам Флоренц. – Погиб мой родственник, Николя Франсуа Легранж. Я не могу вам сейчас все рассказать, голова идет кругом. Не могли бы вы приехать к нам? Тут такая запутанная история с его кончиной. Я читала ваши репортажи, вы мне поможете? Прошу вас, не отказывайте! Только на вас вся надежда.

Вот это просьба. Тащиться в Монпелье мне никак «не улыбалось». Это же почти восемьсот километров. Но тут же мелькнула профессиональная мысль: может, все-таки стоит туда съездить? Вдруг узнаю что-нибудь интересное?

– Вы же приедете? – с надеждой, всхлипывая, произнесла мадам Флоренц. – Иначе я тут одна сойду с ума! От меня все скрывают.

– Хорошо, – из последних слов собеседницы я понял, что

ей действительно плохо, и не отозваться на крик о помощи было бы скотством с моей стороны. – Скажите, пожалуйста, свой адрес.

– Я так рада, – воспрянула духом женщина. – Записывайте. Монпелье, улица Божоле, дом 11.

– Записал. Завтра с утра я выезжаю.

– С нетерпением буду ждать. Спаси вас Бог, месье Андрэ.

Поговорив с мадам Шатобриан-Рене, я сразу засел за путевой справочник. Монпелье был одним из немногих городов Франции, где мне ни разу не доводилось побывать. Вот и отлично, заодно и заполню пробел в своем невежестве. Изучая справочник, понял, что добираться до этого города проще всего железнодорожным транспортом:

«Рейс на поезд Париж-Монпелье, выполняемый TGV in Oui, Swiss Railwaus и SNCF, отправляется от Paris Gare De Lyon и прибывает к Montpellier Saint-Roch. Общее расстояние между городами 736 километров, время в пути 3 часа 33 минуты».

Итак, решено, еду поездом, сразу же первым рейсом – в 9 часов 11 минут. Чтобы не оттягивать, сразу же позвонил своему шефу — главному редактору месье Бернару – и доложил о своей срочной поездке на юг Франции.

– Думаю, туда и обратно. Скорее всего, ничего интересного, но лучше проверить, тем более, что мадам отказывается рассказывать подробности по телефону.

– Давай, – прохрипел в трубку шеф. – Можешь там отдох-

нуть несколько днейков. Командировку тебе оформят. Там сейчас отличная погода! И держи меня в курсе. Все, на связи!

Это еще одна из привилегий «свободного художника», можно всегда при острой необходимости прикрыться каким-нибудь предполагаемым мифическим расследованием и свалить от всех подальше, с глаз долой, на несколько днейков. Конечно, я никогда не злоупотреблял доверием главного редактора, да и он во мне абсолютно уверен, но есть такое мудрое выражение: «Никогда не следует говорить «никогда». Кто может поручиться за будущее?».

Чтобы быть хоть немного в курсе дел, купил в киоске на вокзале туристический справочник, вдруг на самом деле звонок окажется «пустышкой», так сказать, ложный вызов, и я решу задержаться и отвлечься от уличного смога и столичной суеты.

Вот что я прочел об этом городе, сидя в мягком кресле скоростного поезда «Париж-Монпелье», под монотонный стук колес:

«Один из крупнейших городов на юге Франции, седьмой по размеру во всей стране, коммуна, административный центр департамента Эро региона Окситания. Расположен в плодородной долине реки Лез, в одиннадцати километрах от побережья Средиземного моря. Первоначально находился в тени приморского города Маглоне, страдавшего от регулярных набегов морских разбойников, пока граф Тулузский не

выстроил здесь замок. Потом по приказу кардинала Ришелье в Монпелье строилось королевская крепость, но со временем на месте средневековых стен были частично проложены бульвары и элегантный акведук.

Особенно знаменито широкое открытое пространство перед крепостью с водонапорной башней, откуда открывается прекрасный вид на море. Из средневековых укреплений уцелели только башни. Помимо соборной церкви Святого Петра, интерес для туристов представляют старейший во Франции ботанический сад и музей Фабра с богатейшей коллекцией работ художников, включая импрессионистов, а также ежегодная винодельческая ярмарка».

Короче, ничего особенного в этом Монпелье нет... Обычный набор опций в стандартном городе и не более того.

Время в дороге пролетело быстро. Разглядывая историческую часть города из окна такси, я размышлял о предстоящей встрече с мадам Флоренц. Судя по тому, что она не могла сдержать слез, разговаривая со мной, дело действительно серьезное. Имя погибшего Николя Легранж мне ничего не говорило, я даже не стал предварительно наводить справки об этом человеке. Затею ненужную движуху, а потом окажется простой несчастный случай. Я уже это проходил.

Вот доберусь до места, там видно будет, но внутреннее чутье Ищейки Длинный нос подсказывало, что там произошло преступление. И почему «длинный нос»? На самом деле обычный. Это все секретарша босса, Люси. Она любит да-

вать прозвища всем сотрудникам, та еще штучка.

Проехав центр города, автомобиль понесся среди двухэтажных аккуратненьких коттеджей. Цветастые, с красивой архитектурой и цветущими палисадниками, они навевали лирическое настроение.

А что, вот выйду на пенсию и переберусь в такое вот райское местечко, подальше от суматохи. Буду за газоном ухаживать и розы выращивать, к тому же, морской воздух не помешает. Хорошо, что хоть курить бросил, а то совсем загнешься в этой столичной душегубке. Не все же время жить в железобетонной коробке на набережной Сены!

Это сейчас, пока работаю, никуда не денешься. Статус, престиж, вся такая туфта. Нет, конечно, здорово, квартира-студия большая и до редакции можно пешком дойти. Где-то прочитал такое интересное выражение в тему, даже не знаю, кому оно принадлежит: «Молодость – это всего лишь средство, чтобы обеспечить себе старость». Конечно, очень спорное высказывание, но истина где-то рядом.

– Приехали, месье, – затормозив, обратился ко мне водитель такси. – Божоле, 11.

Выйдя из машины и рассчитавшись за проезд, огляделся. Все такие же симпатичненькие домики тянулись вглубь уходящей улицы под названием Божоле с пересекающими отворотками, отмеченными предупреждающими знаками. Действительно, полная идиллия и спокойствие. Тут, наверное, поцарапанный бампер машины – тема для недельного обсуж-

дения!

С этими размышлениями я нажал на кнопку звонка, находящегося возле почтового ящика с надписью по верху: «ул. Божоле, дом 11»

Месье Легранж

Не прошло и минуты, как из парадной двери дома показалась женщина, видимо, мадам Флоренц, лет семидесяти, в темных бриджах и длинном сиреновом шерстяном жакете.

– Проходите, не заперто, – радостно воскликнула хозяйка. – Я сразу вас узнала. Вы ведь месье Андрэ Горнье? Со всем юноша на самом деле. На фото в газете выглядите постарше.

– А вы мадам Шатобриан-Рене, если не ошибаюсь?

– Да. Это я вам звонила. Зовите меня просто мадам Флора. Так проще. Это от мужа у меня такая пышная фамилия. Все не могу к ней привыкнуть. Что же вы стоите? Быстрее заходите в дом. Я вас ждалась.

– Присаживайтесь на диванчике, месье Андрэ, – засуетилась мадам Флора, едва закрылась входная дверь. – Вы, наверно, голодны с дороги?

– Нет, спасибо, в поезде попил чаю с бутербродами, так что не беспокойтесь. Лучше расскажите, что у вас случилось?

– Даже не знаю с чего начать, – усевшись на стул, взволнованным голосом произнесла хозяйка. – Все случилось так неожиданно. Утром, где-то в девять, я ушла в магазин и, вернувшись, обнаружила Никола лежащим в своей комнате. Он был мертв. Врачи потом сказали, что это сердечный приступ.

Но дело в том, что кругом все было перерыто... Вещи валялись на полу, картины сорваны со стен... Николя любил живопись. Пойдемте в его комнату. Правда, я навела там порядок после того, как полиция разрешила.

— Картины дорогие? — я решил лучше расспросить хозяйку, видя, как нелегко ей даются воспоминания, и одновременно осмотреть комнату Николя.

— Что вы, обычные репродукции. Откуда у него такие деньги! Конечно, он был небедный человек, все-таки ученый, историк, закончил исторический факультет. Но у нас нет в доме ценных вещей, поэтому непонятно, что искали. На мой взгляд, ничего не пропало. В полиции меня об этом несколько раз спрашивали.

— Извините, а кем вам приходится... Приходился покойный?

— Николя — мой брат, младше меня на четыре года. У нас матери разные. Мой папа, Франсуа Легранж, ушел к другой женщине, когда мне было три года. Уехал в Париж... Он был коммерсант. Потом у них с новой женой родился Николя. Я все это узнала гораздо позже, от мамы, но до недавних пор ни разу не видела своего сводного брата.

— То есть, вы знали о его существовании, но ни разу не видели?

— Да, именно так. Он позвонил мне лет пятнадцать назад. Пришел к нам в гости. Сказал, что сразу после войны уехал жить в Канаду, в город Лаваль. Жил на небольшом островке,

но на старости лет потянуло на родину и решил вернуться.

– Он показал вам документы?

– Конечно. Сразу же. Паспорт, фотографии отца, письма, открытки, старые снимки отца с мамой. Рассказал, что папы не стало в сорок пятом году. Сказал, что он не сразу узнал о моем существовании. Дело в том, что папа с мамой не очень хорошо расстались и не поддерживали отношений.

– А где сейчас эти документы?

– Часть забрала полиция.

– Вот вы сказали, что он эмигрировал в Канаду сразу же после войны. А во время войны чем занимался?

– Жил и работал в Париже. Занимался археологией. До войны часто был на раскопках – в Египте, даже на острове Пасхи, много где побывал. Я мало этим интересовалась, они все с Ноэлем эту тему обсуждали. Ноэль, мой покойный муж, работал на местном заводе строительных материалов, пока не вышел на пенсию. Посоветовавшись с мужем, мы решили предложить Николя пожить у нас, пока он определится. А что, дом большой... Но Николя наотрез отказался. Не хочу, мол, вас беспокоить. Купил на том конце города небольшой домик. По выходным частенько приходил к нам в гости, дети у нас взрослые, разъехались кто куда. Младшая в Бордо, старший в Марселе. Ну, а потом, после смерти Ноэля, я предложила ему пожить здесь. Он согласился, ухаживал за садом... – А вы не знаете, были ли у него враги?

– Откуда? Добрейшей души человек, ученый. Семейная

жизнь не сложилась. Соседи уважали его.

– Странно, но кто-то же рылся в его вещах. Может, у вас есть какие-нибудь догадки на этот счет?

– У меня нет.

– Я правильно вас понял, что у кого-то они есть? – ответ хозяйки насторожил меня.

– Вам лучше поговорить с моей соседкой, Надин Черепановф. Она живет в доме напротив. Пускай она сама вам все расскажет.

– Чем занимается ваша соседка? – похоже, дело немного сдвинулось с мертвой точки.

– Она тренер по легкой атлетике. Занимается с детишками в местной спортивной школе олимпийского резерва. В свое время была призером первенства Европы по бегу на короткие дистанции.

– Скажите пожалуйста! – присвистнул я от удивления. – Вы не знаете, она сейчас дома?

– Да. Я видела ее, когда вы позвонили в дверь.

– Давайте сделаем так. Я сейчас дойду до вашей соседки, а потом мы с вами еще раз осмотрим комнату Николая. И подготовьте, пожалуйста, все бумаги брата, какие найдете, пускай самые незначительные, на ваш взгляд.

Чемпионкой Европы оказалась привлекательная женщина средних лет, одетая в спортивный костюм известного бренда. Похоже, это ее самая любимая одежда. Сплошные сборы и тренировки, причем с самого раннего детства, наверня-

ка наложили отпечаток на ее предпочтения в одежде. Хотя, не будет же она дома ходить в вечернем платье. Ясно, что в футболке и спортивном костюме удобнее.

– А я знала, что вы зайдете, вот и кофе успела заварить! Только не знаю, сколько кусочков сахара столичному журналисту класть, – похоже, барышня не обделена чувством юмора, сейчас это большая редкость, особенно у слабого пола.

– Два кусочка достаточно, – ответил я и решил представиться барышне. – Меня зовут...

– Андрэ Горнье, – перебила меня чемпионка. – Наслышаны. Как же. Читали ваши репортажи. Это я узнала ваш номер телефона по просьбе Флоры через подругу по сборной, проживающей в Париже. А два кусочка – чтобы цвет лица не испортить, или пополнить боитешь?

– Да нет. Просто будет слишком сладко, если больше, – засмеявшись, ответил я. – Мадам Флоренц поведала мне, что вы за сборную Франции выступали, причем, достаточно успешно.

– Да. Мне кажется, что это было в прошлой жизни. Никогда не думала, что буду профессиональной спортсменкой. Еще в школе, где-то в пятом классе, вдруг захотелось, когда вырасту, стать хозяйкой гостиницы или отеля. Прямо навязание какое-то было. Смешно, не правда ли?

– Нисколько. Открою вам тайну, что я тоже одно время мечтал стать начальником вокзала, причем любого... Даже провинциального, если большой для меня не найдется.

– Вы шутите? – засмеялась Надин.

– Нисколько. У вас странная фамилия – Черепанов, Ваш папа случайно не жил в России?

– Дедушка. Эмигрировал сюда сразу после революции, – ответила барышня, разливая кофе в фарфоровые чашки. – Кстати, у меня еще варенье смородиновое есть, специально берегу для почетных гостей. Хотите?

– А что, принесите, не откажусь. Забытый вкус.

– Вот, пожалуйста, угощайтесь, сама варила, – хозяйка поставила на стеклянный столик миленькую цветастую вазочку.

– Спасибо. А дедушка эмигрировал, когда «белое движение» побежало от Красной Армии? Или он был фабрикантом?

– Он был дворянином и служил у барона Врангеля в звании штабс-капитана. А вообще-то русская фамилия Черепанов происходит от профессионального прозвища Черепан. Так в России обычно называли мастеров-гончаров, делавших глиняную посуду, «черепки».

– Значит, вы тоже знатного древнего рода, так сказать, «голубая кровь»? И раз вы меня знаете, то, может, и цель моего визита отгадаете? – мне показалось, что чемпионка не только умна, но и проницательна.

– Да, пожалуй, назову. Видела я их. На машине подъехали, но встали чуть в стороне... Двое молодых вышли, а третий, старик, остался в машине. Я мимо как раз с утренней

пробежки возвращалась.

– Вы успели их рассмотреть? – от такого неожиданного поворота у меня перехватило дух.

– Нет. Только мельком. Дело в том, что я шла по другой стороне улицы и видела их практически со спины. Да и потом, у меня не очень-то хорошая память на лица, вот имена запоминаю на раз.

– Ну, а старик чем-то запомнился?

– Мне показалось, весь седой как лунь.

– И все?

– Да.

– И что они сделали дальше?

– Не знаю. Я зашла в дом и больше их не видела.

– Вы сможете их опознать?

– Я же сказала, очень вряд ли. Но эта троица раньше здесь не появлялась, во всяком случае, пожилой мужчина точно.

– А номер машины?

– Откуда... А вот марка автомобиля – черный BMW. Тонированный...

– Как же вы разглядели седого? – с подозрением спросил я у наблюдательной барышни.

– Все достаточно банально, месье сыщик. Через приоткрытую дверь машины.

– Они ни о чем не говорили?

– Седой им что-то сказал. Было далеко, я не расслышала,

но, похоже, на немецком языке, во всяком случае, мне так показалось.

– Вы рассказали об этом полиции?

– Пыталась, но они и слушать не захотели. Считают, что произошел несчастный случай.

– А как же обыск? Разбросанные вещи... Как они это объясняют?

– Так сам что-то искал, потом, не найдя, разнервничался – и привет. Это их основная версия.

– А вы все-таки что об этом думаете? – не отставал я от мадам Надин.

– Ничего. Я за соседом таких странностей не замечала. Вам лучше с аптекарем поговорить. Николя, похоже, с ним был в приятельских отношениях. Пройдете вниз по улице, аптека на углу, справа по улице Розье, тут недалеко, метров триста. Может, еще кофе?

– Нет, спасибо. Если еще что-нибудь вспомните, то сообщите, пожалуйста. Вы же знаете мой телефон.

– Пренебреженно, месье «Звезда столичной журналистики».

Знак на газете

А может, действительно, так все и было, и в полиции правы? Пожилой человек что-то пытался найти, разнервничался, начал психовать. А может, лекарство стал искать? Но причем тут тогда эта троица? Да кто их знает – просто случайно остановились туристы из Германии или еще откуда... Надин сама же говорила, что ей показалось, будто седой говорил на немецком. Все языки чем-то похожи между собой. Да и сколько стран говорят на немецком, читал где-то, что более ста тридцати миллионов.

– Да, Николя принимал лекарство ежедневно, – подтвердила мадам Флора. – Но чтобы из-за этого впадать в панику и разбрасывать вещи... Нет, до этого никогда не доходило. Забывчивый был, но в меру. Я тут вам подобрала, вот, держите, здесь фотографии брата, письма, открытки поздравительные. Это все, что я нашла. Остальное в полиции, обещали вернуть.

– Спасибо, мадам. Но некоторые письма без конвертов, – разглядывая документы, сообщил я хозяйке.

– Не знаю, почему нет конвертов, – озадаченно ответила она.

– Можно я заберу это с собой?

– Конечно. А вы что, собираетесь уехать? – с тревогой взглянула на меня хозяйка.

– Да, думаю, завтра. С утра побеседую с аптекарем, а потом зайду в полицейский участок и поеду домой. Все хочу у вас спросить: почему вы обратились именно ко мне? Все-таки я же не частный детектив, а всего лишь обычный криминальный репортер.

– Дело в том, что Николая читал все ваши репортажи и хорошо о вас отзывался. Особенно после разоблачения этого предателя. И вы далеко не рядовой репортер... К вашему мнению прислушиваются. Брат очень жалел, что не знаком с вами лично. Вот я и решила именно к вам обратиться. Если хотите, то я заплачу, ну, как частному детективу, просто назовите сумму.

– Что вы?! – предложение хозяйки растрогало меня. – Об этом не может быть и речи. Это моя работа, и я вам обещаю, что постараюсь все выяснить завтра в полиции.

– Простите, не хотела вас обидеть, – мадам Флора вытерла слезы уголком платка. – Не сердитесь на старую дуру. И еще, – чуть успокоившись, продолжила хозяйка, – не знаю, важно ли это, но я вам обязана рассказать. Сами просили обо всем говорить. Дело в том, что среди разбросанных вещей в комнате брата лежала газета. Я, когда прибиралась, положила ее на стол и особо не рассматривала. Но через некоторое время обратила внимание, что это газета с вашей статьей про того самого иуду. Ну, думаю, брат читал и сохранил... Что здесь особенного. Но, приглядевшись, заметила, что прямо поверх вашей статьи была начерчена прямая линия со стре-

лочками на концах.

– А где сейчас эта газета? В полиции? – заинтересовался я.

– Нет. Я им даже про это и не говорила. Сейчас принесу.

Через минуту хозяйка принесла слегка помятую газету. И, действительно, поверх моей статьи была прочерчена сверху вниз небольшая прямая векторная линия черного цвета, только с двумя стрелочками на концах и с точкой посередине.

– Может, Николя так новую ручку расписывал? – предположила мадам Флора.

– Не знаю. А он вообще вел какие-то записи?

– Да. Раньше. Говорил, мол, хочу написать о том, что я видел и пережил.

– Типа воспоминания, мемуары?

– Не знаю. В последнее время я не замечала его за этим занятием.

– Он прямо здесь писал? Что-то не вижу пишущей машинки, – я еще раз внимательно осмотрел комнату.

– Она в летней кухне. Несколько лет назад брат ее переделал под свою резиденцию... Любил так называть это помещение, – хозяйка опять всплакнула, но быстро взяла себя в руки. – Пойдемте, я вас туда проведу. Там вход отдельный сразу с улицы.

Выйдя из дома, мы прошли мимо цветущих клумб. «Вот еще одно преимущество жить на юге, – подумал я, – начало апреля, а такое цветочное буйство красок с легким прият-

ным запахом и жужжанием полосатых пчелок!»

– Видите, сюда нельзя попасть из дома, – открыв дверь, сказала мадам. – Николя здесь все переоборудовал. Установил камин, утеплил крышу и стены, ремонт внутри помещения сделал с заменой электрики. И перебрался жить сюда, говорил, что здесь лучше, ближе к природе. Садовый инвентарь находится сразу за стеной, в маленькой пристройке. Только с наступлением холодов перебирался обратно в дом.

Резиденция Николя была обустроена по-спартански, но со вкусом. Мягкий кожаный диван, возле него большой старинный стол с резными ножками, примыкающий к окну, с печатной машинкой английской фирмы «Ундервуд», набором пишущих принадлежностей и настольной лампой. Напротив телевизор, висящий на стене на закрепленной металлической подставке, и огромных размеров книжный шкаф, заставленный книгами. Вот и весь небогатый интерьер кабинета месье Николя Легранжа.

– Наверное, уже поздно, – оглядев внимательно бывшую летнюю кухню, обратился я к хозяйке. – Надо еще в гостиницу устраиваться, а завтра с утра приду...

– Какая гостиница! – искренне возмутилась мадам Флора. – И речи быть не может! Вы мой гость, и поэтому будете жить у меня, ровно столько, сколько потребуется. Или вы хотите меня обидеть, месье Андрэ?

– Нет, что вы, даже и не думал! Просто не хотел вам создавать неудобства.

– Ну, вот и отлично, – заулыбавшись, ответила хозяйка. – Пойдемте в дом, покажу вашу спальню...

– Мадам Флора, если вы не против, то можно я здесь определюсь? Заодно и книги вашего брата полистаю, осмотрюсь кругом.

– Мне прямо неудобно поселять вас в неприбранное помещение...

– Ничего. Здесь мне будет лучше. Хорошо, что выход сразу в ваш садик. После шумного суетливого Парижа приятно побыть в тишине, среди маленького островка природы.

– Ну, что с вами поделаешь? Обустраивайтесь, а через два часа я жду вас к ужину, – деловито произнесла мадам Шатобриан-Рене. – Сумка ваша в прихожей, а постельное белье принесу попозже.

Как только дверь за хозяйкой закрылась, я приступил к тщательному осмотру кабинета. В первую очередь проверил письменный стол на предмет скрытых тайных ящиков. Это было обычной практикой – устраивать в таких конструкциях тайники. Провозившись почти тридцать минут, обнаружил три скрытых выдвижных углубления, но все они оказались пустые. Может, Николя и не знал об этих устройствах, или меня уже опередили... Хотя, похоже, обыска здесь не было, но все равно не надо сбрасывать это со счетов. Все больше возникало чувство, что я стою на пороге какой-то тайны. Может, те трое действительно ни при чем, но вопросов становится все больше и больше. Я тоже не верил, как

и мадам Флора, что у Николая была психопатия. Человек не может одномоментно сойти с ума и начать все крушить ни с того ни с чего. Окружающие однозначно бы заметили его состояние, меняющееся в худшую сторону. Все-таки он жил не в вакууме, а в социуме, среди соседей, которые его видели ежедневно.

К тому же, мадам Надин тоже утверждает, что не замечала за Николая нервных срывов. Завтра обязательно надо поинтересоваться у аптекаря, какие лекарства покупал его приятель. И у хозяйки тоже спросить. Ничто так отчетливо не характеризует пожилого человека, как название лекарств, которые он принимает. И еще этот знак на газете... Так ручку не расписывают. Этот рисунок нанесли специально. Но кто? Николай? Не факт. Может, ему кто-то дал эту газету уже с готовой пометкой?

Разглядывая рисунок, я обратил внимание, что стрелочки нанесены неровно, словно человек торопился или руки тряслись, к тому же, точка нанесена немного не по центру линии – одно плечо длиннее другого. Надпись сделана шариковой ручкой черного цвета, если рисунок был нанесен на газету Николая во время обыска неизвестных, то шариковая ручка должна где-то быть в его комнате. Может, сестра ее подняла и прибрала? Это ладно, поинтересуюсь у нее позднее. А если он сам нанес эти стрелки, но гораздо раньше? Надо обязательно найти ручку с черным цветом.

Дальше я занялся осмотром книжного шкафа. Здесь все

гораздо сложнее, сначала надо все книги выложить, чтобы освободить шкаф для тщательного осмотра. Я и сам не знал, что искать, и поэтому решил просматривать бегло каждую книгу на предмет вложений. Просто раскрывал ее и тряс. Как я и говорил ранее, библиотека месье Легранжа была довольно обширна. В основном ее наполняли книги на историческую тематику. Особенно меня заинтересовал цикл книг об истории становления и развития десяти государств. Типа подробной энциклопедии. На каждой обложке под названием страны был нанесен основной символ этого государства. Естественно, под Францией была красочная репродукция Эйфелевой башни, под США – Статуя Свободы, Англию олицетворяла часовая башня Вестминстерского дворца Биг-Бен, Италию – Колизей, Китай – Великая Стена. А что, очень удобно иметь под рукой подробную информацию в виде полного справочника об интересующем государстве.

Вытащив и перетряхнув все книги, тщательно обследовал массивный книжный шкаф, но так ничего и не обнаружил. Ладно, потом сложу обратно, заодно и посмотрю, не пропустил ли чего.

За ужином я, естественно, сразу же поинтересовался у мадам Флоры о злополучной шариковой ручке.

– Нет, я ее не находила и не видела, – без каких-либо колебаний ответила хозяйка. – Надо еще раз внимательно посмотреть, может, закатилась куда-нибудь. Вы не представляете, какой был погром! И как эти полицейские могут такое

предполагать... Бедный Николя не смог бы такого сделать, и принимал он обычные таблетки, которые врач прописал.

Мы тщательно обследовали весь пол и все-таки нашли эту ручку! Плинтус от стены немного отошел, вот она туда и закатилась. Осторожно, чтобы не стереть предполагаемые отпечатки пальцев, я запаковал ее в целлофановый пакет.

– В Париже отдам на экспертизу газету и ручку, заодно проверят, держал ли их в руках перед смертью ваш брат, – пояснил я наблюдавшей за моими действиями хозяйке.

На следующий день, прямо с утра, я отправился искать аптеку на улице Розье. Мадам Надин подробно все объяснила, и поэтому найти ее не составило особого труда.

– Ну, как же, меcье Николя я прекрасно знал, – поведал мне аптекарь. – Он в основном заказывал у нас швейцарское снотворное в небольшой дозировке и таблетки от давления. Пожалуй, все. Нет, конечно, иногда слабительное и другие необходимые в его возрасте медикаменты, но ничего серьезного. Всегда приветливый, учтивый, готовый выслушать и помочь если не деньгами, то уж добрым советом пренебреженно. В свои под-восемьдесят Николя выглядел, как будто ему и семидесяти в помине нет! На все вопросы отшучивался: «Активный образ жизни, поменьше стрессов и немного французского коньячка перед сном... Граммов так пятьдесят. Правда, жаль, что без сигареты, врачи строго-настрого запретили это баловство».

– То есть вы подтверждаете, что никаких психических

расстройств у Николя Легранжа не наблюдалось? – задал я последний вопрос аптекарю.

– Безусловно. Николя выглядел вполне адекватным и здоровым человеком для своего возраста.

Получив исчерпывающий ответ, я отправился напрямик в отделение полиции этого района. Хотел было взять такси, но решил пройтись, тем более день обещал быть солнечным и без осадков.

Мне повезло, что инспектор Кантона, занимающийся делом Легранжа, оказался на месте. Это был лысоватый мужчина лет пятидесяти, смахивающий на зануду-бухгалтера, которому постоянно недоплачивают, или человека с затаенной обидой на весь окружающий мир. Сразу было понятно, что разговор вряд ли будет конструктивным и содержательным.

– Чем могу вам быть полезен, месье Горнье? – скривившись, произнес инспектор, вернув мне удостоверение.

Было видно, что полицейский не из тех, кто благосклонно относится к нашему брату, журналисту. Наверняка думает, глядя на меня: «Приперся столичный хлыщ, умничать будет и вопросы свои дурацкие без конца задавать. Ему-то что, язык без костей, начальство не требует результата расследования... Пиши свои никому не нужные, дурацкие статейки, да щеки надувай для пущей важности. Что-нибудь ляпнешь сгоряча, потом пропечатает в своей паршивой газетенке, век не отмоешься!»

В принципе, на другой прием я и не рассчитывал. По долгу службы мне очень часто приходилось контактировать с правоохранительными органами, и я нередко ловил на себе настороженные и недоверчивые взгляды.

– Я пришел к вам по поводу гибели месье Легранжа, меня попросила об этом его сестра, мадам Шатобриан-Рене, – как можно вежливее обратился к инспектору. Зачем ссориться на ровном месте? И добавил: – Узнать, как продвигается следствие.

– А что тут узнавать? Вскрытие показало: несчастный случай. Человек в возрасте, перенервничал, вот и не выдержало сердце. Никаких насильственных действий не обнаружено. Не могу вам показать акт вскрытия, но поверьте мне на слово.

– Но у него же был произведен обыск в комнате! Явно злоумышленник или злоумышленники там что-то искали. Что вы об этом думаете?

– Думаю, что он сам устроил такой бедлам. Искал бедняга что-то, вот и разнервничался, – инспектор Кантона начал раздражаться.

– Странно, но сестра и соседи не замечали за ним такого поведения.

– Все бывает первый раз. Раньше не психовал, а тут нервы не выдержали. Я поговорил с врачом, у которого Легранж наблюдался, он не исключает такого. Сильный стресс вполне мог спровоцировать приступ.

– Или испуг.

– Чего ему бояться? Ученый, вел размеренный образ жизни... А тут понервничал, вот и результат. Мы изучили его письма... Ничего особенного. А показания мадам Черепанов-ффе вообще не выдерживают никакой критики. Трое туристов, причем далеко от дома Легранжа, о чем-то разговаривали... Ну и что? Сами посудите, так можно весь город перетрясти.

Меня подмывало рассказать инспектору про знак на газете и закатившуюся ручку на полу, но решил воздержаться. Они уже, видимо, твердо решили, что это несчастный случай, и вряд ли заинтересуются какими-то незначительными деталями. Я и сам-то до сих пор сомневаюсь, есть ли вообще связь между газетой, ручкой и Легранжем. Причем, к тому же, еще неизвестно, этой ли ручкой был нанесен знак на газету.

Выйдя из полицейского участка, я решил ближайшим поездом возвращаться в Париж.

Старые письма

На следующий день после возвращения из Монпелье я отправился прямо с утра на «ковер» к главному редактору.

– Люси, – по селектору обратился шеф к секретарше, как только я зашел в кабинет. – Нас с Андрэ не отвлекать, и два кофе, пожалуйста. Ты меня хорошо поняла? Не отвлекать... Да, еще, будь любезна, перенеси совещание с отделом рекламы на 14 часов.

– Ну что, рассказывай, как съездил? Накопал что-нибудь? – с неподдельным интересом уставился на меня месье Бернар, откинувшись в кресле. – Не томи. Вижу по глазам, что зацепила тебя эта история.

Стараясь не упустить ни одной детали, я доложил начальству итоги своей командировки. При этом всячески избегал пространных умозаключений, собственных версий и личной оценки происходящего. Эту прерогативу я любезно оставил своему шефу. За долгие годы работы в издательстве я давно подметил, что делать выводы и направлять расследование в нужное русло – его святая и почетная обязанность. Он часто любил приговаривать: «Учу вас, молодежь. А то будете топтаться на месте, как стадо баранов». И не дай Бог, если кто-нибудь сунется выполнять за него эту тяжелую и ответственную работу – делать выводы и подводить итоги. Немилость начальства со всеми вытекающими финансовыми по-

следствиями в виде лишения премий такому выскочке обеспечена на долгие месяцы, несмотря на былые заслуги. Но надо при этом отдать должное шефу – смотрел он в самую суть, отбрасывая все эмоции и сомнения.

Но сегодня месье Бернар что-то отошел от своей традиции (видимо, не выспался или стареет), и, внимательно выслушав меня, задумчиво вымолвил:

– Похоже, дело стоящее. С чего думаешь начать расследование?

– Сначала отдам газету и ручку на экспертизу. Думаю, что Серж Тарассивье поможет в этом вопросе...

– Постой, – перебил меня шеф. – А почему ты сразу не отдал их этому... Как там его?

– Кантона. Инспектор Кантона, – пояснил я.

– Отдал бы их этому следователю, и дело с концом.

– Вы бы видели его, он задницу свою от стула оторвать не хочет! Они, похоже, дело закрывают. К тому же, газета и ручка, найденные в доме Легранжа, должным образом не оформлены! Нет официального протокола изъятия, а значит, все незаконно! Поди потом докажи, где я взял эту газету с ручкой. Нет, тут лучше через Сержа. Тем более, это все может оказаться мыльным пузырем! Вдруг это вовсе и не его газета?

Просто дал кто-нибудь почитать?

– Согласен.

– Потом займусь личностью самого Легранжа... Изучу до-

кументы, переданные мне его сестрой. Она рассказывала, что он учился в Париже на историческом факультете. Думаю, не составит особого труда собрать на него всю информацию. Где работал после учебы... Чем занимался во время войны. Сестра рассказывала, что в экспедициях часто бывал. Попробую сокурсников и участников экспедиций найти.

– Все правильно, – одобрительно кивнул шеф. – Архивы подними.

– И от вас помощь требуется.

– Да? Говори. Все, что в моих силах... – месье Бернар бросил на меня взгляд, одновременно наклонившись в мою сторону.

– Надо, чтобы вы дали распоряжение Квебекскому филиалу нашей газеты собрать информацию о жизни Легранжа в Канаде, в городе Лаваль. Со слов сестры он обитал где-то на островке. Чем занимался, вообще все сведения, он там достаточно долго прожил. Несколько его фотографий у меня есть.

– Сделаем. Правильно мыслишь. Мне кажется, что особо нужно обратить внимание на два аспекта в его биографии. Понять причину отъезда из страны сразу же после войны и неожиданное возвращение. Причем после стольких лет эмиграции. По словам его сестры выходит, что он уехал из страны в 1945 году, в 34 года, а в 1972 вернулся и больше никуда не уезжал. В общей сложности прожил там 27 лет, и это немало. Про ностальгию, конечно, не стоит забывать, но в

возрасте шестидесяти лет кардинально менять свою жизнь не каждый решится. Тем более, в Лавале почти одни французы живут, считай, что это наша провинция. Не то чтобы какая чужбина, где бы Легранж все эти годы томился, только и мечтая вернуться. Наверняка там были и друзья, и близкие люди... Мне кажется, если мы поймем причину его внезапного переезда, то разгадаем эту загадку. Этим займусь я. Оставь у секретаря подробные сведения на него и копии фотографий приложи. Сейчас... Тьфу, все забываю про разницу во времени – попозже отправим их в офис нашего филиала. Так что действуй! И держи меня в курсе, – этими словами главный редактор подвел итоги нашего совещания.

Отчитавшись перед начальством и передав несравненной секретарше Люси данные Николя Франсуа Легранжа, прямо из приемной договорился по телефону о встрече с Сержем Тарассивье. С Сержем мы учились вместе в университете на одном потоке, но только он на факультете общих юридических наук. В отличие от меня, он хотел стать полицейским, а не криминальным репортером. Потихоньку приятельские отношения перешли в дружбу на взаимовыгодных условиях. Это, конечно, шутка. Просто по возможности помогали друг другу, но чаще всего, естественно, он. Особенно когда перешел на работу в центральное управление и возглавил аналитический отдел. Своим повышением он был обязан реконструкции управления криминальной полиции. В министерстве внутренних дел приняли решение создать единый центр

сбора информации о совершенных правонарушениях с целью снижения уровня преступности в обществе. Вдобавок к новой должности Серж получил и новое звание, после чего одномоментно стал сильно занятым и очень ответственным чиновником министерства.

– У тебя что-то срочное? – едва только поздоровавшись, спросил Серж. – Прости, но очень мало времени.

– И да, и нет. Сам не знаю. Мне надо провести сравнительную экспертизу. В этом пакете газета, на которой нанесен рисунок, и шариковая ручка, – я протянул Сержу сверток. – Мне надо знать, когда был нанесен рисунок и этой ли ручкой, а также снять отпечатки пальцев с этих предметов. И все.

– Надеюсь, все законно.

– Да, не волнуйся. Несчастный случай. Полиция дело закрывает, но есть определенные белые пятна.

– Хорошо. перезвоню. Еще раз извини. В следующий раз посидим за кружечкой пива.

Меня накрыли знакомые чувства – таинственности начавшегося в полную силу расследования и волнительной непредсказуемости его результата. Процесс запущен, остановить и даже замедлить его уже невозможно, все ресурсы извне я задействовал. Сейчас дело за мной. И на этом этапе, конечно, меня охватил азарт расследования: все мысли были направлены в одно русло, необходимо было собрать как можно больше информации. И некогда думать на посторон-

ние темы.

Все остальные бытовые проблемы перешли на второй план. Это как охотничий пес на поводке в ожидании охоты: принохивается, поскуливает от волнения, беспокойно перебирая лапами, при этом постоянно уворачиваясь от успокоительного поглаживания хозяина, и не сводит настороженно-го взгляда с виднеющегося вдалеке дремучего таинственного леса, наполненного враждебно-манящими запахами. Только охота и ничего более... И вот она началась. Ищейка Длинный нос спущен с поводка.

В первую очередь я решил внимательно изучить документы и фотографии, переданные мне сестрой Николая Легранжа. Мир стал глобален, и спрятаться в нем теперь практически невозможно. Стоит только родиться, о тебе уже начинает собираться различная информация: место прописки, поликлиника, детский сад, потом учеба, работа, медицинские карты... Появляется обширный круг знакомств, друзей и приятелей, с которыми ты обмениваешься поздравлениями в праздники. Но каково же было мое удивление, когда внимательно рассмотрел открытки и письма Легранжа. Мало того, что все письма были без конвертов, так и открытки оказались крайне подозрительными. Ни на одной из них не было поздравительной или сопутствующей надписи. Отсутствие штампа отправителя означало, что открытка могла быть вложена в конверт, который, естественно, не сохранился... Но почему же было не чиркнуть пару сопроводитель-

ных слов, короткое послание прямо на этой картонке? Мол, смотри, как тут прекрасно, приезжай ко мне быстрее в гости, давно не виделись! В общем, всякое такое, что люди пишут обычно друг другу в таких случаях. Иногда даже пустые, ничего не значащие фразы, просто как дань уважения к адресату.

Всего было семь открыток с видами природы на фоне городов и памятных исторических сооружений, но только на пяти из них обнаружилась типографская надпись. Из этих пяти три были с конкретными названиями городов: Лаваль, Квебек и Монреаль, – и еще две без названия, но с изображением небольшого городка на фоне бирюзового озера при восходящем солнце. Ну, допустим, ладно, не захотел адресат делать сопроводительную надпись на открытках, так тоже бывает. Но когда я прочел эти письма, пожелтевшие от времени и, что самое удивительное, напечатанные на машинке, я окончательно запутался в своих умозаключениях. Всего их было девять штук. У меня создалось очень странное и неоднозначное впечатление. Сейчас поясню, почему. Каждый представляет, что такое шаблон. Так вот, это и были письма-шаблоны, к тому же, не написанные от руки, а отпечатанные, как в строгих традициях детективного жанра. Вот одно из них – самое короткое:

«Дорогой папа! Давно не писал тебе, так как был занят работой, все как-то разом навалилось. Но сейчас наконец-то выбрал время, чтобы написать. У меня все нормально. Пол-

ностью освоился на новом месте. Как у тебя дела? Как твое здоровье? Пиши. Жду. Твой любящий сын».

И все остальные письма были в той же манере. Ни одного имени и названия местности, ни одной даты... Никакой зацепки, никакой конкретики. Пишет – «разом навалилась работа». А какая? На каком месте освоился? Эти письма можно было смело отправлять любому папе в мире, у которого сын в отъезде, причем не обязательно в далекой стране, но и просто в соседнем городе, к примеру, на расстоянии ста километров. При отсутствии конверта со штампами расстояние и город установить нереально, а также невозможно сравнить почерк отправителя с оригиналом. Пишущая машинка нивелирует эту возможность. Любой так может сделать.

Три фотографии мужчины, судя по качеству изображений, сделанные в его разные жизненные периоды, также особой ясности не внесли. На этих фотографиях был запечатлен один и тот же человек, меcье Николя Легранж, в возрасте явно за шестьдесят. Причем на всех трех изображениях он почему-то был в верхней одежде. На обороте снимков также отсутствовали какие-либо пометки о дате и месте съемки. А без этих подробностей, судя по верхней одежде, можно было сделать только один вывод – предположительное время съемки – весна или осень. Отсутствие фото Легранжа в молодости слегка смутило меня, но, возможно, эти снимки сейчас находятся в полиции города Монпелье, у инспектора Кантона. Звонить ему не имело смысла. Я знал, что он

мне откажет, и даже отчетливо представил его кривящуюся физиономию. Лучше на эту тему поинтересоваться у мадам Шатобриан-Рене.

Вот и вся информация, которую мне удалось почерпнуть из этих документов. Можно даже сказать – отсутствие информации. Но что поделать, ладно. Иногда отсутствие результата – тоже результат.

Итак, что я знаю о Легранже? Со слов его сестры, он окончил парижский университет, учился на историческом факультете – вот с этого и начнем. Родился в 1911 году, значит, поступил в университет в 1930 году. В Париже несколько таких учебных заведений, где есть исторический факультет. Начну-ка я поиски со своего университета – Сорбонны. На следующий день я отправился искать следы Николя Легранжа в архиве древнейшего университета Франции. Накануне, как и планировал, позвонил в Монпелье мадам Флоренц и поинтересовался о причинах отсутствия снимков ее брата в молодости.

– А их у нас и не было, – обрадовавшись моему звонку, пояснила она. – Брат рассказывал, что семейный альбом сгорел при попадании в их дом зажигательной бомбы в сорок четвертом году. Тогда им с отцом повезло, что их не оказалось дома. Помимо фотографий сгорела и часть документов. Их тогда приютили на какое-то время друзья отца.

– Скажите, а по какому адресу проживал ваш брат? – ответ мадам Флоры меня насторожил. – Где это случилось?

– Ой, да вы что, я уже и не помню... Это ж сколько лет прошло! По-моему, в Levallois-Pereret... Точно не смогу назвать адрес.

– А эти три фотографии, которые вы мне дали, где сделаны?

– Здесь, в Монпелье. Еще муж фотографировал... Он тогда новый фотоаппарат купил, вот и учился снимки делать. – Ясно, и еще к вам у меня один вопрос... – Да-да. Слушаю. Все, что в моих силах.

– Ваш брат случайно не объяснял, почему все письма отпечатаны на пишущей машинке? Ведь гораздо проще было написать от руки. Да и машинка приличных денег стоит.

– Не понимаю, куда вы клоните... Помню, я действительно как-то задала такой вопрос, и он объяснил это серьезной травмой руки. Что-то с сухожилиями... У отца в тот момент была печатная машинка, вот Николая и привык все набирать на ней.

– А здесь он тоже печатал на машинке? – Да, в основном на ней.

Архив

Я уже не один раз искал данные на людей в городских архивах. Это только с первого взгляда кажется, что ничего сложного здесь нет. Думаешь, достаточно назвать фамилию и имя, и вот, держите всю интересующую информацию. Ничего подобного. Там иногда такой беспорядок и путаница, что получить какую-то справку – сушая проблема. Помню, как-то больше месяца занимался поиском родственников одного своего клиента. Это было что-то невероятное! Из одного архива отправляли в другой, а потом оказалось, что по ошибке и недосмотру перепутали данные разыскиваемых.

Много проблем возникло сразу после войны. Отступающие немецкие войска частично специально вывозили или уничтожали архивы, пытаясь скрыть информацию о предателях и осведомителях. Иногда нацистские спецслужбы поступали более изощренно, путем манипуляции с данными людей. Одних могли очернить, а другим дать чужую, «чистую» биографию. Особенно усердствовали в этом направлении две конкурирующие организации Третьего Рейха – четвертое и шестое управление РСХА, гестапо Генриха Мюллера и политическая разведка Вальтера Шеленберга. Эти старались сберечь свои ценные кадры любой ценой для продолжения уже невидимой, скрытой войны. А еще можно, в конце концов, и продать архив с такой категорией людей за звон-

кую монету. Этот товар очень дорого стоит в определенных кругах. Все разведки мира до сих пор озабочены этим вопросом. В разведке, как и в бизнесе, нет разделения по вероисповеданию и цвету кожи. Главное прибыль, результат, ничего личного. Не зря Рейнхарда Гелена, генерал-лейтенанта в период Второй мировой войны, одного из руководителей разведки на Восточном фронте, взяли на работу после падения Третьего Рейха в Федеральную разведывательную службу Германии – BND. Причем, самое удивительное, что он сам создал эту BND, а потом успешно возглавил, и к полученным многочисленным орденам и наградам фюрера добавился еще и орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия», который был учрежден и вручался федеральным президентом ФРГ Теодором Хойсом.

И поэтому я никогда не строю иллюзий, рыская в макулатуре прошлых событий и людских биографий. Тут много чего занимательного можно обнаружить в серых папочках, перевязанных тесемочкой, и аккуратно сложенных на высоких стеллажах, но только при наличии специального допуска в закрытые до сих пор архивы. Не на один бестселлер потянет такая информация, причем и политического, и уголовного жанра. Хотя, в моем понимании, эти два направления частенько переплетаются. Видимо, некоторые политики пытаются рассмотреть и решить проблемы своего народа через призму личного негативного опыта.

Мой расчет не оправдался. Пять дней потребовалось, что-

бы убедиться в ошибочности моего предположения. Оказалось, что Николя Легранж никогда не учился в Сорбонне. «Университет Сорбонна» – это целый комплекс университетов, связанных между собой, и поэтому каждый имеет свой архив. Так что для получения нужной информации мне приходилось делать отдельные запросы в каждый, где присутствовал исторический факультет. Пришлось побегать по огромной территории учебного комплекса!

Следующим на очереди в моем списке стоял университет Сити. Каково же было мое разочарование, когда мне сообщили, что архив этого заведения был частично уничтожен во время войны, при оккупации Парижа немецкими войсками. Большая часть документов хранилась в сыром, неотопливаемом помещении, что сильно повлияло на их внешний вид. Никто не думал в то время о сохранности студенческой документации, и это понятно – шла война, гибли люди. Но как же я удивился, узнав, что множество документов до сих пор валяется бесхозно в подвале главного корпуса университета!

Оставалось надеяться, что нужные мне бумаги сохранились. Через два дня мне позвонили из архива и сообщили, что данных на Николя Франсуа Легранжа у них нет. Возможно, сведения о нем находятся в злополучном подвале, в который, тем не менее, меня не допустили, несмотря на мою настойчивую просьбу. Пришлось через свои связи выходить на заместителя ректора по АХЧ и, пройдя через нудную волокиту бестолкового согласования, я все-таки получил раз-

решение порыться в брошенной документации. Под строгим присмотром ответственного работника архива, коим оказалась пожилая женщина, божий одуванчик, мадам Амели.

Когда я сортировал документы в подвале, мне позвонил Серж и сообщил, что знак на газете сделан этой же самой ручкой, причем не позднее месяца назад. Отпечатки пальцев размытые и не представляется возможным их идентифицировать.

Значит, это Николя Легранж нанес таинственный знак. Но зачем? Для чего? И почему на этой газете, и прямо поверх моей статьи? Судя по рассказам его сестры, в комнате была не только эта газета... Книги, журналы так же валялись на полу. Может, это послание? Но для кого? Для мадам Флоренц? Возможно. А может, для меня?.. Николя следил за моими расследованиями, вот и хотел привлечь мое внимание. Хотя, может быть, все это простая случайность, у которой нет логического объяснения... Или злоумышленники начертили этот знак? Что, в общем, маловероятно – нафига им оставлять против себя лишние улики... Или все-таки инспектор Кантона прав, и Легранж сам спсиху все это устроил?..

«Подвальный» университетский архив был, мягко говоря, в плачевном состоянии, и его обследование продвигалось крайне медленно. Нельзя сказать, что документов было так уж много, но постоянно приходилось вглядываться в размытые чернилами и изъеденные грызунами листки учебных ве-

домостей, всевозможных бюрократических приказов и распоряжений. Некоторые документы попадались в достаточно удовлетворительном состоянии и даже с групповыми фотографиями, с фамилиями выпускников. Другие же невозможно было прочесть, и приходилось с сожалением откладывать их в сторону. Но нечитаемых документов было меньшее количество от общего числа, и это придавало некоторого оптимизма.

Сильно усложняло мою задачу еще одно обстоятельство. Все бумаги были сложены вперемешку и по годам, и по факультетам. Доходило до абсурда, когда в одной перевязанной веревкой стопке могли находиться документы семнадцатого и тридцать третьего года, словно кто-то нарочно решил надо мной подшутить, затрудняя поиск. И ладно бы, если бы я мог точно знать, что найду здесь следы Легранжа! Тогда все эти мучения хотя бы оправдаются. Но с каждым часом сортировки и изучения бумаг уверенность в успехе все уменьшалась. Эта монотонная и нудная работа так выматывала, что хотелось плюнуть на все и расписаться в своей беспомощности. Хорошо еще, что сотрудница архива согласилась мне помочь за небольшое вознаграждение.

Но все-таки мне повезло! На третий день нашего заточения моя добровольная помощница мадам Амели обнаружила ведомость сдачи экзамена по общей физике группой студентов. Среди прочих фамилий фигурировало и имя Николая Легранжа. Значит, не напрасно я терпел и страдал все это

время!

Кроме ведомости, были обнаружены и другие прилично сохранившиеся документы с фамилией Легранжа, причем все с датами, но, к сожалению, без единой фотографии. На одном протоколе я увидел самую позднюю дату – 13 февраля 1935 года. Это был экзаменационный лист с оценками – «Правовая система в Древнем Риме». Правда, оставалось еще с десятков неизученных бумажных стопок, лежащих в глубине подвала, но я решил прекратить поиски. Похоже, этого будет достаточно. В крайнем случае, всегда можно продолжить изучение документации, о чем я и предупредил сотрудников университетского архива, когда снимал копии с найденных документов.

Дома я составил список группы студентов, учившихся вместе с Легранжем. Всего было одиннадцать человек, из них пять девушек. Вчитываясь в фамилии сокурсников Николая, я пытался представить их лица и думал о том, что через какое-то время, возможно, не всех, но кого-то из них я непременно увижу. Может, вживую, а может, просто на фотографии. Сколько им тогда было? Как и Легранжу, лет по двадцать пять. Значит, сейчас больше семидесяти, и все еще могли быть живы... Но злобная старуха по имени Война, одетая в черный саван и вооруженная остро отточенной косой, перечеркнула многие жизни, забирая их к себе, вслепую тыкая своим костлявым пальцем в грудь человека. Для нее не имело никакого значения, что молодые люди, только начина-

ющие жить и строящие грандиозные планы на будущее, получив для этого блестящее образование в престижном университете, не рассчитывали на такой фатальный конец.

Серж Тарассивье удивился моей просьбе, разглядывая список из одиннадцати фамилий. Удивляться было чему: впервые за время нашего сотрудничества я просил разыскать целую группу выпускников университета, причем окончивших учебу в тридцать пятом году. Пришлось посвятить его в некоторые подробности.

– Не понимаю, что тебя смущает в этой истории? – выслушав меня, сказал мой друг. – По-моему банальная жизненная ситуация, помноженная на хаос прошедшей войны. Таких судеб тысячи, если не миллионы. Тогда людей судьба раскидала по всему миру, до сих пор многие ищут пропавших родственников.

– Сам не знаю, – честно признался я Сержу. – Вроде так и есть на самом деле... Действительно, люди разводятся или эмигрируют в поисках лучшей жизни, но мне кажется, что это не тот случай. Здесь много каких-то непонятных событий и странных поступков. Не знаю, как тебе это объяснить, но носом чую, что...

– «Носом чую» – это весомый аргумент, – засмеялся начальник отдела, перебивая меня. – Не зря тебя прозвали в твоей газете Ищейка Длинный нос.

– Что, и до вас уже это дошло? Можешь сколько угодно меня подкалывать, но в той истории с коллаборационистом

из Виши повод начать расследование казался еще нелепее. А если бы я не поверил своему чутью?

– Ладно, ладно. Никто не сомневается в твоём таланте, – примирительно ответил Серж. – А насчет Длинного носа, так не забывай, где я служу. Но, если серьезно, скажу по секрету, мы сейчас столкнулись прямо с какой-то мистикой, чертовщиной. Тебе говорит, что-нибудь название местности – Шамбала?

– Только в общих чертах. Это какое-то загадочное мифическое поселение... По-моему, в Гималаях. – Вот в том-то и дело, – возбужденно сказал Серж. – Многие слышали, но толком ничего не знают.

– Ты можешь поконкретнее сказать? – слова друга меня заинтриговали.

– Пока нет. Сами ничего толком не знаем. Сведения неожиданно к нам попали. Даже начальству не докладываю. Но, мне кажется, что это ящик Пандоры, к которому лучше не приближаться.

Поболтав еще немного и перемолов косточки общим знакомым, мы расстались, договорившись, что Серж будет отправлять данные на выпускников университета Сити из моего списка по мере поступления информации.

Исчезнувший

Прошла целая неделя бесполезной суеты. От Сержа никаких вестей не было. Хуже нет, когда не знаешь, чем конкретно заняться в своем расследовании. Оставалось только ждать. Не зря бытует такое выражение: «Нет ничего хуже, чем ждать и догонять». Я уже начал подумывать, что про мои просьбы и вовсе забыли, как позвонила секретарша шефа Люси и сообщила, что главный редактор срочно просит меня зайти. Я поспешил в его кабинет. Наверняка пришла информация из Канады, иначе зачем ему меня дергать. Интересно, что там нарыли наши коллеги?

Месье Бернар сидел с озадаченным видом, уткнувшись в бумаги, лежащие у него на столе, и, кивнув на мое приветствие, протянул мне один из документов.

– Вот, полюбуйся, какой ответ я получил из Квебека по факсу. Ничего не понимаю, может, ты мне прояснишь?

Это был листок из отчета Квебекского филиала нашей газеты на мой запрос по поводу пребывания Легранжа в Канаде. Пробежав глазами текст, я в недоумении уставился на шефа.

– Ну, что скажешь? – нахмутив брови, спросил шеф.

– Они не могли напутать? – сморозил я глупость.

– Нет. Не могли. Ты же видишь, что они сделали запрос в регистрационный орган таможи Канады. Вот здесь черным

по белому напечатано, что не въезжал на территорию Канады
месье Николя Франсуа Легранж, гражданин

Франции, ни до войны, ни после. Это здесь, у нас, после освобождения был полный бардак на границах, а там, в Канаде, разрухи не было, там бомбы не падали на головы мирным жителям. Таможенные службы исправно выполняли свои обязанности, и ошибка здесь исключена.

– Может, нелегально? – предположил я.

– Допустим... Но ты подумай, зачем добропорядочному человеку рискованно пересекать Атлантику? Чтобы попасть под пулю пограничника? Нет, не въезжал он в Канаду.

– А если через Америку или Мексику? Вдруг сначала планировал в одной из этих стран остаться, а потом передумал?

– Теоретически все может быть. Но ты сначала посмотри на это: вот, что пишут дальше наши друзья, – месье Бернар протянул мне бумаги, лежащие у него на столе.

Из отчета канадских коллег стало понятно, какую кропотливую работу они проделали за этот период. Всего было найдено 43 человека по фамилии Николя Франсуа Легранж, но ни один не подходил под описание нашего парижского Легранжа одиннадцатого года рождения. Им всем, за исключением маленьких детей, были показаны фотографии разыскиваемого, но канадские Легранжи понятия не имеют, кто это такой.

– Что скажешь? – обратился ко мне месье Бернар, видя, что я полностью ознакомился с отчетом.

– С этим поспорить сложно, но не могла же его сестра что-то напутать... Несколько раз говорила про Канаду. Скорее всего, это он ввел ее в заблуждение. Но с какой целью? Письма и открытки без марок и конвертов, потом эта пишущая машинка...

– Какая пишущая машинка? – шеф удивленно взглянул на меня. – Ты мне ничего об этом не говорил.

Я в подробностях рассказал ему о моем телефонном разговоре с мадам Флоренц, в котором она объяснила, почему брат печатал письма на машинке, а не писал от руки.

– Все это очень и очень странно, – месье Бернар, вскочив со своего кресла, начал прохаживаться по кабинету, как маятник – туда и обратно. – Мутные открытки без сопроводительных посланий, письма без конвертов... Так, к тому же, и почерк невозможно сравнить. Видишь ли, сухожилия порезал! А еще выходит, что нашего Легранжа и вовсе не было в Канаде. Зачем ему весь этот цирк? Он явно не был идиотом.

И явно что-то скрывал...

– Может, все это время он находился совершенно в другом месте? – осенило меня. – Но никому не хотел об этом рассказывать. Вот и придумал Канаду.

– Ну и зачем? – возразил шеф. – Он, что, бывший разведчик-нелегал, вышедший на пенсию по возрасту? Даже если и так... Врать сестре зачем? Можно ведь рассказать почти все, но не особо вдаваясь в подробности.

– Не знаю... Я составил список студентов, которые учи-

лись с ним в одной группе. Серж должен собрать о них информацию, и я собираюсь потом побеседовать с каждым, вдруг узнаем что-нибудь интересное. Может, он дружил с кем-нибудь из них?

– Это правильно, ты молодец. Действительно, давай пока не будем делать поспешные выводы, а дождемся, что поведают его сокурсники.

На том мы и порешили.

Серж позвонил через три дня и продиктовал три адреса с номерами телефонов из моего списка, под пунктами три, семь и девять. Под этими цифрами были записаны мужчина и две женщины.

Мадам Вайолет я позвонил первой и договорился о встрече, пояснив, что я журналист по имени Андрэ, и речь пойдет о ее бывшем сокурснике – Николя Легранже. Я специально не стал наводить тумана, а практически раскрыл все карты, так будет проще расспрашивать. Мол, пропал сразу же после войны, и, возможно, эмигрировал в другую страну. Человек в такой ситуации, видя глубокую заинтересованность, может вспомнить даже давно забытые детали и подробности прошедших событий. Наверное, было бы лучше, если бы я назвался частным детективом. Но мою физиономию иногда показывали по телевизору, что мешало сохранять таинственность без риска быть узнанным.

Мадам Вайолет с максимальными подробностями поделилась своими воспоминаниями о Николя, описав его характер

и неумемную тягу к истории. Даже вспомнила его шутливое выражение: «Летопись прошедших событий – это наше будущее».

– Иногда он на полном серьезе говорил, что все события, которые сейчас происходят, уже когда-то были, – засмеявшись, пояснила мадам Вайолет. – Любил историю с мистикой ассоциировать. Мол, археологи уже находили предметы нашего быта в нетронутых тысячелетних египетских захоронениях.

– А с кем дружил Николя из группы?

– Да, в принципе, ни с кем. Со всеми были у него ровные отношения. Разве что с Даниэлем они каждый год в экспедиции отправлялись.

– А куда?

– О, проще сказать, где они не были. Сразу же после окончания первого курса им крупно повезло, их приняли в группу археологов под руководством самого профессора Люмле. Туда нереально было попасть с улицы и по блату... Профессор лично отбирал кандидатуры при собеседовании. Не знаю, чем они глянулись светилам науки, причем первокурсников он обычно не брал в свои экспедиции, считая, что это желторотые недоучки. Мы очень были рады, что наши сокурсники попали в такую почетную группу, и даже втайне завидовали им.

– А после учебы?

– До меня доходили слухи, что он полностью посвятил се-

бя археологии и продолжал ездить в экспедиции вплоть до начала войны. Ну, а во время войны и после я больше о нем ничего не слышала. А что все-таки случилось? Почему вы его ищите?

– Родственники попросили, его сестра. По ее сведениям, Николя эмигрировал, не то в Америку, не то в Канаду.

– Понятно. Война многих раскидала по миру, – вздохнула мадам Вайолет.

– Скажите, а у вас сохранились групповые университетские снимки?

– Конечно. Я иногда просматриваю их. Приятно и грустно вспоминать молодость. Дети разъехались. Живу сейчас одна, что еще делать!

– Можно взглянуть?

– Да, сейчас принесу.

Мадам Вайолет ушла в другую комнату. Было слышно, как она перебирает бумаги в скрипнувшем дверкой шкафу. Через несколько минут принесла толстый семейный альбом и положила на стол.

– Вот наша выпускная фотография, – пролистав страницы, мадам указала на большой групповой снимок.

– Вот это я, – мадам Вайолет указала на молоденькую девушку с прической каре. – А это Николя.

Хотя пожелтевшей фотографии было уже больше пятидесяти лет, благодаря качественной съемке на хороший фотоаппарат снимок сохранял отчетливость, и все лица можно

было разглядеть в подробностях. Я присмотрелся, и увиденное повергло меня в шок. Это был не Николя Легранж! Вернее сказать – не наш Николя Легранж. Такого поворота событий я никак не ожидал. Конечно, люди стареют, и внешность постепенно меняется, но здесь однозначно был запечатлен другой человек. Абсолютно ничего общего: скулы, нос, форма губ, разрез глаз, цвет волос... Все совершенно другое! Но кто же тогда на моих снимках? И я решил показать мадам Вайолет фотографию нашего Легранжа.

– Скажите, пожалуйста, вам не знаком этот человек? – поинтересовался я у хозяйки, передавая ей снимок. – Может, он тоже учился с вами? Правда, эта фотография сделана гораздо позже, где-то уже в восьмидесятые годы. Только не спешите, посмотрите повнимательнее.

Мадам Вайолет надела очки и начала пристально рассматривать снимок.

– Нет, я его не знаю, – она вернула мне фотографию. – Мне кажется, что и в университете он не учился на нашем потоке...

– И вам этот человек никого не напоминает? – не отставал я от женщины.

– Нет, у меня прекрасная память на лица, – категорично ответила мадам Вайолет. – А кто это?

– Это хороший знакомый месье Легранжа, – ничего лучшего я не мог придумать. – Я думал, что они учились вместе, но, видимо, ошибся. Можно я возьму вашу групповую фото-

графию с собой? Обязуюсь вернуть в целости и сохранности.

— Возьмите, месье Андрэ Горнье, — улыбнулась мадам Вайолет. — Вы хоть и назвали только свое имя, но я вас сразу узнала. С удовольствием читаю ваши публикации.

После этого разговора мне хотелось сразу же побежать к шефу с докладом, но, немного подумав, решил не горячиться, а довести опрос сокурсников до конца. А вдруг мадам Вайолет все-таки что-нибудь перепутала? Вероятности, конечно, мало. Чувствуется, что у этой женщины ясный ум и действительно хорошая память. Но мало ли, что здесь может быть... Вдруг она по каким-то причинам побоялась выдать Николая и намеренно указала мне на другого человека? Эмиграция, потом внезапное таинственное возвращение... Может, его все эти годы кто-то искал, и друзья юности об этом знают? Да ну, бред какой-то! Прямо детектив про шпионов получается, а не жизнь добропорядочного историка... Но, тем не менее, нужно сначала собрать более полную информацию, и тогда уже делать выводы. Сержу я тоже решил пока ничего не говорить. Может, еще что всплывет.

Вторая бывшая студентка, под номером семь в моем списке, ничего в принципе добавить к сказанному мадам Вайолет не смогла. Она точно так же не опознала моего мнимого Легранжа. И месье Пети подтвердил, что человек с такой внешностью не учился в их группе, а с настоящим Легранжем показал общую студенческую фотографию, на которой я без труда узнал того же самого Николая, что и на снимке

мадам Вайолет. В ответ на мою просьбу ме-сье Пети так же, как мадам Вайолет, любезно разрешил на время взять фотографию, где Николя Легранж был запечатлен со своими товарищами на студенческой вечеринке по поводу успешного окончания зимней сессии.

В течение недели Серж передал мне адреса всех студентов из моего списка, за исключением трех человек, которых нельзя было увидеть по причине их смерти. Среди последних, к моему большому сожалению, оказался и ме-сье Даниэль, о котором упоминала мадам Вайолет. Правда, мы не могли знать точно, жив он или умер, но обнаружились сведения о том, что в сорок втором году он пропал без вести. А я так надеялся узнать от него подробности из жизни Николя, особенно послушать воспоминания об экспедициях. К тому же, он все-таки был единственным, с кем дружил Легранж. Но, увы, ме-сье Даниэль пропал во время оккупации. Такое нередко встречалось... Шла война.

Остальных сокурсников Легранжа я успешно опросил. К сложившейся картине практически не прибавилось новых деталей, за исключением еще нескольких фотографий Николя в студенческой обстановке. Завершив последний диалог, я договорился о встрече с Сержем Тарассивье, чтобы поделиться с ним всей собранной информацией.

– Похоже, дело приобретает неожиданный оборот, – выслушав мой доклад, сказал друг, разглядывая фотографии настоящего и мнимого Легранжа. – Что будем делать?

– В первую очередь, попробуй разузнать по своим каналам о судьбе настоящего Леггранжа. Вдруг что-нибудь прояснится? И неплохо было бы узнать о профессоре Люмле. Сейчас он вряд ли жив, но, может, остались какие-нибудь бумаги и документы об этих экспедициях. Мне кажется, что это звенья одной цепи.

– Опять чутье... Длинный нос?

– Ну, посуди сам, человек половину своей жизни живет под другим именем. Ни один сокурсник не признал в нашем герое Николая Леггранжа, и, самое интересное, что они даже понятия не имеют, кто такой этот мнимый Леггранж. Но как такое может быть? По всему видно, что эти два Леггранжа были знакомы раньше, причем явно хорошо знали друг друга. Иначе откуда же этот лже-Леггранж во всех подробностях знает биографию настоящего? Мол, учился в университете на историческом факультете, в экспедиции ходил, даже на острове Пасхи побывал. А каким образом у него появились семейные фотографии разведенных родителей? Он же сразу предъявил их сестре при встрече, так сказать, в качестве доказательства, что он действительно ее брат. Причем, сейчас понятно, что никакой зажигательной бомбы не было и в помине, это наверняка он и сжег загородный дом вместе с семейным альбомом настоящих Леггранжей. Потому что уж слишком он отличался внешностью от оригинала, оставлять улики было рискованно. И, видишь, это сработало.

– Да согласен я, – сказал Серж. – Ты считаешь, что он

заранее готовился, так сказать, исчезнуть, с возможностью неожиданного воскрешения?

– Скорее всего. Уж слишком много продуманных, а не спонтанных действий с его стороны. Правда, ему приходилось и импровизировать на ходу – это я о порезанных сухожилиях на руке. Он не ожидал, что мадам Шатобриан-Рене поинтересуется причиной его странной привычки – набирать письма на печатной машинке.

– Похоже, действительно, тут след тянется со времен войны... Если не раньше. Впору бы уже нам браться за это дело.

– Вот этого и боюсь, – возмутился я. – Заберете расследование, засекретите... Нет уж, идите-ка вы... Знаешь куда? Подсказать?

– Ладно, не кипятись ты! Никому я докладывать пока не буду. По большому счету, нет пока достаточных оснований. Посмотрим, как дальше будут развиваться события.

– А я сегодня переговорю с шефом.

По моей задумчивой физиономии месье Бернар сразу понял, что я нарыл что-то очень важное, и в свойственной ему слегка хамоватой манере попросил секретаршу не беспокоить нас по пустякам.

– Ну, не томи, рассказывай, что у нас там, – с нетерпением шеф уставился на меня, нервно покачиваясь в вертящемся кресле.

Практически не перебивая, месье Бернар внимательно слушал мой отчет о расследовании, лишь только изредка

вставляя реплики. Два раза я замолкал на несколько минут, пока Люси приносила нам кофе в кабинет.

– Не ожидал такого поворота событий! – выслушав меня, шеф откинулся в кресле и уставился в потолок, словно разглядывая несуществующих мух на светильнике с длинными люминесцентными лампами. – Я тогда еще говорил и сейчас повторяю – как только мы поймем подлинную причину эмиграции этого Легранжа, тут же и разгадаем нашу загадку. Мне почему-то кажется, что это было просто запланированное бегство, с последующим возможным возвращением. Почти тридцать лет прятался в другой стране...

– А что, если он все это время и вовсе не покидал Францию? – возразил я шефу.

– Нет, я нутром чувствую, что удрал из страны, и причем именно в Канаду... Естественно, под другой фамилией.

Прямо как персонаж какой-нибудь книги с названием «Исчезнувший». И он, наверняка, вовсе не собирался возвращаться.

– В общем-то, я тоже так думаю, – согласился я с месье Бернаром. – На эту мысль наводят его открытки без марок и письма без конвертов. Мне кажется, что он впопыхах сварганил всю эту переписку. Если бы он готовился заранее к возвращению во Францию, то более качественно подготовился бы. Все состряпано прямо как на коленке.

Они вернулись

– Месье Бернар, – неожиданно обратилась по селектору к шефу секретарша Люси. – Просят к телефону месье Горнье.

– Я же вас предупреждал, – рявкнул шеф. – Нас ни в коем случае не беспокоить...

– Но это очень срочно, – испуганно промямлила девушка. – Некая мадам Надин Черепановф из Монпелье, безотлагательно хочет поговорить с месье Андре. И отказывается объяснять причину срочности...

Не успела Люси договорить, как я быстро схватил трубку и прокричал:

– Алло, я вас слушаю, мадам Черепановф. Говорите...

– Как хорошо, что я до вас дозвонилась, – прозвучал в трубке испуганный голос Надин. – Я опять видела их... Только что.

– Простите, не понял, кого вы видели? – в недоумении переспросил я у мадам Черепановф.

– Седого и компанию! Ну, помните, я вам рассказывала про подозрительную троицу на черном тонированном BMW? Так вот, они опять здесь... Поглядывают на окна дома Флоры.

Меня как током ударило от услышанного.

– Немедленно звоните в полицию, ссылайтесь в разговоре на инспектора Кантона, а я ближайшим поездом к вам выез-

жаю. Вы меня поняли? Сейчас же звоните в полицию.

– Да, да, поняла. Ждем вас!

– Что случилось? – взволнованным голосом спросил шеф после того, как я положил трубку телефона. – Что за спешка?

– Мадам Черепановф, соседка напротив, опять видела Седого. Несколько минут назад он со своими сподручными разглядывал окна мадам Флоренц, сестры Легранжа. Мне надо срочно ехать. Дело принимает угрожающий оборот, а надеяться на местных полицейских – себя не уважать.

– Люси, – шеф нажал кнопку на селекторе. – Узнайте, пожалуйста, когда отправляется ближайший поезд до Монпелье. – Затем снова повернулся ко мне:

– Извините, что перебил. Продолжайте, Андрэ.

– Что-то мы упустили. Они опять засуетились. Надо там еще раз все внимательно осмотреть. Особенно в доме. Я тогда почему-то решил, что они больше не вернутся. Думал, что при обыске все нужное нашли. Тайники в письменном столе были пусты, но, похоже, я ошибся. К тому же, и самого Исчезнувшего, как вы метко назвали его, больше нет.

– Ближайший поезд сообщением Париж-Монпелье отправляется через два часа, – обиженным голосом сообщила секретарша по селекторной связи.

– Отправляйтесь, Андрэ, будьте осторожны и держите меня в курсе, – напутственно сказал шеф.

Всю дорогу в поезде я продолжал размышлять о неожиданном телефонном звонке мадам Надин. Я нисколько не со-

мневался, что она не ошиблась и точно опознала Седого. При первом знакомстве сразу было видно, что в проницательности и наблюдательности ей не откажешь. Под мягкое покачивание вагонных рессор я пытался проанализировать все прошедшие события с самого начала – со звонка в Париж мадам Шатобриан-Рене. Возвращаясь утром из магазина, она застает «брата», лежащего бездыханным на полу среди разбросанных вещей: репродукций картин, книг, журналов, одежды и так далее. Сразу же вызывает полицейских. Но у тех через некоторое время появляется основная версия, что это сам Легранж в нервном припадке устроил у себя обыск – видимо, искал лекарство или еще что-нибудь, но, не найдя, получил на фоне расстройства сердечный приступ, от которого не смог оправиться. Лечащий врач Легранжа подтвердил полицейским, что, в принципе, такое возможно, мол, немолодой человек, всякое может быть. Инспектор Кантона, ведущий расследование, не придавал значения словам мадам Надин о группе подозрительных лиц на черном BMW.

Конечно, все же вряд ли сам Легранж устроил этот бедлам, ясно, что здесь постарались помощники главаря. Они явно что-то искали... Но что может у себя прятать пожилой добропорядочный с виду мужчина? Деньги? Драгоценности? Наркотики?.. Все это вряд ли имеет отношение к Исчезнувшему. Смешно. Где он, а где наркотики и ценности... Полная ерунда. Скорее всего, им нужна была информация, бумаги, документы, то, что можно спокойно унести с собой. Они все

перерыли и ретировались, видя, что их клиент мертв.

А что, все нашли – пора сматываться. Объясняйся потом в полиции, что это он сам «кони двинул», а мы, мол, просто мимо проходили и, заглянув в окно, решили помочь, видя, что человеку плохо. Но, может, им были нужны устные сведения, и вполне вероятно, что Исчезнувший сам им перед смертью все рассказал? Этого нельзя было исключать, ведь успел же он нанести непонятный знак на газету, хотя, возможно, он его и раньше нарисовал. Может, знак вообще не имеет никакого отношения к делу, мало ли, каракули какие-то нацарапал, ручку, к примеру, расписывал, как предположила Надин. Причем, даже не установлено, что это сделал лично он – отпечатки пальцев на ручке расплывчатые, и нет никакой возможности определить, кто последний держал ее в руке.

Но возвращение Седого с подручными говорило о другом. Несмотря на то, что расследование дела в полиции еще не закончилось, они собираются рискнуть и повторить попытку. Вроде все улеглось, полиция успокоилась, я уехал, вот и выбирают момент, как лучше и незаметнее проникнуть в дом. Значит, ничего они тогда не нашли или нашли не все, вот и решили опять попробовать. Им позарез нужно что-то в этом доме, и они не собираются отступать. Интересно, а знали ли они, что Легранж был ненастоящий? В свете последних сведений о нем, этого нельзя исключать. Даже скажу больше – они наверняка были осведомлены, кем на самом деле

являлся Исчезнувший. На сегодняшний момент мы ничего не знаем об этом человеке. Вообще ничего. Если отбросить версию о том, что Исчезнувший был хорошо знаком в свое время с подлинным Легранжем. Наверняка это мое предположение верно, как и то, что Седой знал, у кого именно они производили обыск, который собираются повторить. Что-то связывало эту троицу с Исчезнувшим, а возможно, и с настоящим Легранжем тоже. И похоже, следы ведут в далекое прошлое. О том же самом говорит и примерно одинаковый возраст двух Легранжей... Но это все пока одни только мои предположения...

Вот с таким полным хаосом мыслей в голове я подъехал на такси к частному дому № 11 по улице Божоле. Каково же было мое удивление, когда увидел возле металлической калитки ожидавшую меня мадам Надин.

– С приездом, месье Горнье. Не так давно уехала полиция, – не успел я выйти из такси, как меня атаковала мадам Черепановф. – Я им все рассказала, как вы и велели, сослалась на инспектора Кантона. Позвонили ему... Сейчас полицейские патрулируют кварталы.

– А эта троица... Они были на машине? – поздоровавшись в ответ и расплатившись с таксистом, поинтересовался я у своей новой помощницы.

– Нет, черной машины я в этот раз не видела. Они стояли вдалеке и разговаривали, поглядывая в сторону дома Флоры. Я боялась подойти ближе. Седой им все что-то втолковыв-

вал.

– А потом?

– Я позвонила вам и сразу же вызвала полицию... Патрульная машина приехала быстро, но их уже и след простыл, – разочаровано ответила мадам Надин.

Поговорив еще несколько минут с наблюдательной соседкой, я направился к входной двери и нажал на кнопку звонка.

Мадам Флоренц встретила меня с заплаканными глазами и растерянным видом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.